View the original article

ИНТЕРВЬЮ.СЕВЕР

"И дело не в том, что я боюсь тюрьмы". Дмитрий Скурихин – о войне и своем отъезде из России

Светлана Прокопьева

16 ноября 2026

Скурихины в Париже

Предприниматель из Ленинградской области Дмитрий Скурихин, открыто выступавший против войны и получивший за это тюремный срок, освободившись, покинул Россию.

Дмитрий Скурихин, одиночный пикет против войны с Украиной в Санкт-Петербурге. 2022 год

12 ноября Дмитрий Скурихин опубликовал в ФБ фотографию с женой и дочерьми на фоне Эйфелевой башни. В посте он признался, что ему надоело бояться за семью и представлять себя на месте единомышленников, которых "путинщина то прямо убивает в тюрьме, то гнобит там до состояния несовместимого с жизнью".

В разговоре с Север.Реалии он вспоминает заключение, погибших на войне односельчан и объясняет, почему больше не готов рисковать свободой.

"Прости, Украина"

В Париж Скурихины добрались 9 ноября. Первые впечатления: "Прекрасная страна, люди доброжелательные".

– Я сегодня ходил в булочную, выхожу, у меня в руках багеты, хлеб, всякая такая мура. И дядька, на вид лет 75, мне дверь открывал, можете себе представить? – удивляется Скурихин. – Я бы и сам открыл, не проблема.

– Уже почувствовали, что вы теперь в безопасности?

– Я пока не обрел этого чувства. Понимаете, когда живешь в ожидании стука в дверь, человек невольно настраивается, душой собирается и в таком собранном состоянии живет. И я не могу сказать, что сейчас это состояние прекратилось. А с чего оно должно прекратиться? На стреме надо быть. Я на стреме. Не могу сказать, что у меня полный расслабон: делай что хочешь.

– А как же свобода – свободный мир вокруг?

– Я не могу сказать, что чувствую себя свободнее. Я и дома чувствовал себя свободным. Я в тюрьме себя чувствовал свободным. То есть сказать: вот я выехал, и теперь я свободен, – нет, не могу. Я сейчас пока не работаю. Вот это самое большое изменение. Там я работал, а тут не работаю. Живу как турист. Пока деньги есть.

Скурихин родился в Русско-Высоцком, селе под Петербургом. Окончил Военмех, получил специальность инженера-конструктора ракетной техники, но занялся торговлей. В 1996 году открыл первый магазин, затем развивал небольшую сеть. Был муниципальным депутатом, участвовал в местных выборах.

Дмитрий Скурихин и его магазин

После аннексии Крыма, которую Скурихин открыто осудил, стены его магазина стали превращаться в протестный арт-объект. На них стали появляться плакаты против российской политики в Украине. Например, такие: "Мир Украине. Свободу России". После начала полномасштабного вторжения в Украину в феврале 2022 года Скурихин стал писать на фасаде названия украинских городов, пострадавших от российских обстрелов, вывешивать новые антивоенные плакаты. За антивоенные ценники на продуктах его штрафовали, в сентябре 2022 года после

плаката "Идите вы к черту с вашей могилизацией" против него возбудили уголовное дело. В доме прошли первые обыски.

Расписанный лозунгами небольшой одноэтажный магазинчик и его владелец с огромной окладистой бородой стали символом антивоенного сопротивления в российской провинции. Сегодня он уже без бороды и выглядит моложе, чем тогда.

– Бороду я сбрил накануне переезда из СИЗО в колонию, – рассказывает Дмитрий. – Там нельзя быть с бородой. Есть люди, которые считают ее святой – ортодоксальные мусульмане – и отказываются ее брить, сидят весь срок в ШИЗО. Мне это не глянулось совершенно, я ее сбрил – и черт с ней, мне так больше нравится, и моей жене тоже.

Дмитрий Скурихин 24 февраля 2023 года

24 февраля 2023 года, в первую годовщину полномасштабной войны, он встал на колени у магазина с плакатом "Прости, Украина". Фотографию сделала его дочь. Позднее Скурихин объяснял суду, что обращался прежде всего к согражданам, которых хотел заставить задуматься об ответственности за войну.

После акции Скурихина задержали, отправили в СИЗО, позднее перевели под домашний арест. В августе 2023 года суд приговорил его к полутора годам колонии

по статье о повторной "дискредитации" российской армии. Обвинитель просил два с половиной года.

СМОТРИ ТАКЖЕ
"Мы виноваты в том, что происходит". Приговор Дмитрию Скурихину

"Я очень устойчивый человек"

Срок Скурихин отбывал в родной Ленобласти, в ИК-5 в Металлострое.

– Сиделось нелегко, – признается он. – Но я могу представить, насколько это могло быть хуже. У меня воображение хорошо работает.

– Что было самым тяжелым: условия, администрация, отношения с заключенными?

Скурихин во время суда

– Все понемногу. С заключенными отношения были хорошие. Все, кто узнавал, за что я сижу, относились ко мне хорошо. Подходили многие, говорили, что я молодец. Плохо относились только те, кого заставляли. Их натравливали, настраивали, просили давить на меня морально. Но не бить. Физически меня никто не обижал. Актив давил меня все время. Я думаю, им была поставлена задача не бить меня, но сделать так, чтобы мне медом тут не показалось.

– Вы сталкивались с провокациями?

– Конечно. Когда я приехал в колонию, меня вызвал оперативный сотрудник, который должен был со мной работать. Говорит: "Рот на замок. Никаких бунтов не устраивать, никаких бесед не вести. Услышу хоть слово, хоть разговоры о политике..." А потом ко мне подходили люди с политическими вопросами. Я говорю: все вопросы – вот туда, в оперативный штаб. Я же не двадцатилетний пацан. Я могу посмотреть на человека и понять, что за человек передо мной.

– Легко было выдерживать такое давление?

– Я очень устойчивый человек. Морально подавить меня – я вообще не представляю, что нужно сделать. Тут, конечно, все зависит от интенсивности давления. Но ту, которая была применена ко мне, я выдерживал.

– А кто был вокруг вас?

– Абсолютно разношерстная толпа. Люди всех возрастов, от восемнадцати до семидесяти с лишним, всех национальностей, совершенно разных уровней развития и культуры. Люди, которые не умеют писать и едва читают, – и доктора наук, знающие по нескольку языков. Писатели. От богатеев, которых пытаются раскрутить, до абсолютно нищих. По моим наблюдениям, примерно сорок процентов – наркотики, небольшие сроки, еще сорок – кражи: карточки, магазины. И двадцать процентов – все остальное. Очень разноплановая толпа, срез нашего общества.

– Изменило вас заключение?

– Я бы сказал, что в лучшую сторону. Я там много чего посмотрел. Стал больше ценить близких. Мне кажется, стал более закаленным. Например, если раньше: ой, сейчас заболею! – а на плацу постоишь несколько часов, давая дуба, – невольно привыкаешь. Или мыться в ледяной воде. Ледяная вода льется, а ты мойся. Я после этого вышел и обливался ледяной водой. Мне так приятно было! Два ведра с утра – ух, хорошо, – смеется Скурихин.

В заключении он узнал о смерти Алексея Навального. И запомнил не только саму новость, но и реакцию окружающих.

– Я узнал об этом 16 февраля в три часа дня по радио. Наливал себе чай в кондейке, а рядом швейный цех, где шьют форму. Ребята слушали новости. Там было человек двадцать, примерно. И половина на эту новость: "О, зашибись!", а половина: "О, е-мое..." Меня это резануло. И еще удивило: как так получилось, что он умер 16-го и уже 16-го в три часа дня об этом сообщили? Я до сих пор не могу понять.

"Да какая нахрен там защита родины?"

Раз в две недели в колонию приезжали вербовщики на войну, рассказывает Скурихин:

– По громкоговорителю объявляют: "Граждане осужденные, внимание! Приходите в клуб". И человека два-три каждый раз уезжали. Я один раз сходил в клуб посмотреть на эту вербовку. Слушайте, такая серость! Люди очень халатно относились к своей работе. Я думаю, если бы я хотел завербовать, я бы полколонии с собой увез. А они...

Сидели в колонии и дезертиры, и самовольно оставившие части. Их рассказы о войне имели значение, говорит Скурихин. Старожилы ему рассказывали, что когда приезжал Пригожин, к нему в ЧВК записалось едва ли не полколонии. Потом через полгода стали доходить известия, что почти никто из ушедших не выжил. При Дмитрии к вербовщикам записывались уже единицы – в основном из тех, кому давали большие сроки.

– Я заметил такую вещь: те, кому дали меньше трех лет, сидели и собирались сидеть дальше. А кому три с половиной, четыре, пять, семь – те уходили. Вот эта граница, когда человек считает: этот срок я могу отсидеть, а этот уже не могу, – говорит Скурихин. – В карантине я познакомился с парнем, которому дали пять с половиной лет за дезертирство. Ему было лет тридцать пять. Хорошая работа, примерно сто двадцать тысяч в месяц, двое детей. Ему забили мозги пропагандой, что на нашу родину напали. Это прямо его слова. Он подписал контракт на год. Как он себя ругал! "Какой я дурак, зачем пошел?" Он повидал там страшное. То, что он рассказывал про передок, – волосы дыбом встают.

– И он дезертировал?

– У него закончился контракт. Год, день в день. Он решил, что может уехать. А власти так не считали. У них часть разбили, офицеров не было, люди погибли. Они отошли в тыл, на переформирование. Он, как рассказывал, оставил вооружение и

уехал домой. Дома встретил военкома. Тот спросил: "Ты что тут делаешь?" – "У меня контракт закончился". А вечером к нему приехали. И получил он пять с половиной лет. А в апреле 24-го снова ушел на войну. Мы были в разных отрядах. Когда я освобождался в июле, ребята говорили, что примерно с мая он перестал выходить на связь. То есть, скорее всего, отправили на передок. Что с ним дальше – я не знаю. Хороший семьянин, хороший работник, отец двух детей. Про маму рассказывал. Высокий, здоровый парень, наивные такие глаза. И себя ругал постоянно. "Я пошел родину защищать. Да какая нахрен там защита родины?" Это ужасно.

– Но до сих пор находятся люди, которые подписывают контракты...

– Но смотрите: это лотерея. Человеку выбор: либо ты сидишь здесь семь лет, либо за кучу бабла идешь убивать. Одни говорят "нет". Другие говорят "да". Меня это не удивляет. Это прискорбно, это говно полное, но это есть.

"Отдельные люди" – это не значит, что их мало"

Скурихин вышел на свободу 26 июля 2024 года, отбыв назначенный срок с учетом содержания под стражей. Он вернулся к семье, своему небольшому бизнесу и прежним односельчанам. По его словам, за время заключения настроения в селе изменились.

– По моим наблюдениям, отношение жителей Русско-Высоцкого ко мне очень изменилось в лучшую сторону, – говорит Дмитрий. – Я заметил это, когда вернулся из тюрьмы. Есть несколько человек, которые проходят мимо, отвернув физиономию. А все остальные – отличные отношения. Даже те, кто после 2014 года отвернулся от меня совершенно, вдруг подходят, здороваются, жмут руку, спрашивают, как жизнь, как дела.

– Почему, как вам кажется?

– Приходит понимание, что это огромная проблема, катастрофа страны. Другое дело, что это понимание пока не проявляется как движение общества. Общества у нас нет. Оно атомизировано абсолютно. И "отдельные люди" – это не значит, что их мало. Просто люди отдельны друг от друга, они не составляют общества. Но таких людей, как мне кажется, подавляющее большинство.

– Атомы, которые не могут собраться в одну молекулу?

– Не могут. И я считаю, что власти все делают, чтобы этого не произошло. Потому что это будет их конец. Если люди вдруг осознают себя обществом, оно начнет

ставить власть на место, надевать намордник и сажать на цепь. В развитых обществах это происходит постоянно. А у нас общество обдолбано пропагандой и пребывает в наркотическом сне, я бы сказал, в вегетативном состоянии. Люди изо всех сил пытаются не замечать, что вокруг происходит. Война – это тяжелейшая вещь, на которую они не могут повлиять. Я считаю, что у нас люди не дурнее и не глупее других. Но нет возможности проявить себя, повлиять на ситуацию. И как тогда себя вести? Блокируешь: я в домике, не хочу это видеть, не надо мне ничего говорить. Но отношение людей к этой беде меняется. Но динамики в проявлении мнения нет.

Скурихин и его автомобиль в России

Односельчане Дмитрия Скурихина тоже уходили на войну. И погибли. Некоторых он хорошо знал лично.

– Про них вешают плакаты "Герой России", с фотографиями в военной форме. Одного я хорошо помню. Беззлобный такой человек, старше меня лет на пять. Денег у меня периодически просил. Он погиб через две недели после того, как его отправили на фронт. И другой парень, молодой, из соседнего поселка, где у меня тоже был магазин. Я его помню четырехлетним мальчишкой, он туда ходил. Потом

вырос, был несколько раз осужден, однажды залез ко мне в магазин. А потом встречаю его мать, она говорит: "Кирилл погиб". Вот такая беда для мамы.

– Почему они шли, как вы думаете?

– Люди живут настолько бедно... А тут такие деньги. Режим стал покупать лояльность близких погибших. Твой близкий погиб – на тебе несколько миллионов, а может и десяток. Храни память о нем, но не возмущайся. Я как-то в МФЦ видел людей, которые пытались оформить выплаты за погибшего сына. Слушайте, легко обвинять, когда сам с деньгами. А представьте: никаких перспектив, здоровья нет, возраст, будешь жить на гроши. И произошла катастрофа. А государство дает десяток миллионов рублей. У меня язык не повернется осуждать родственников. Это люди, доведенные до нищеты. Но я не признаю права тех солдат, которые нанимаются за деньги и убивают. Это безобразие. А их родственники – другое дело.

"Я больше в тюрьму не ходок"

После освобождения из колонии Дмитрий Скурихин продолжил заниматься бизнесом, жил обычной жизнью, но и готовил возможные пути отхода: "Надо не бежать, а организованно отходить с позиций", – объясняет он.

Новых протестных акций или пикетов Скурихин уже не устраивал.

– Представьте себе яркую антивоенную акцию в Берлине весной 1944 года. Вот и у нас примерно то же самое. Какая может быть яркая антивоенная агитация при таком режиме? – объясняет бывший предприниматель. – Я пытался агитировать за мир в том мире, в котором у меня получалось. На магазине остался огромный пацифик и надпись "Мне нужен мир". На моей машине пацифик.

– А в 2023 году вы вышли на акцию "Прости, Украина" – думали, что еще можно?

– Практика показала, что нельзя – иначе я бы не оказался в тюрьме. Я не сомневался, что огребу. Изменилось мое отношение. Я не могу себе позволить больше сидеть в тюрьме. Моя семья этого может не выдержать. Мне стало понятно: я больше в тюрьму не ходок. И дело не в том, что я боюсь тюрьмы. Просто не могу сознательно сделать так, чтобы моя семья оказалась здесь, а я – в тюрьме.

– Когда решили уехать?

Скурихин после освобождения

– Когда я вышел из тюрьмы, подумал, что такая возможность может быть очень полезной для меня и семьи. Я не исключал, что останусь в России. Но чтобы уехать, нужно было эту возможность создать. Мы с друзьями сначала собрали документы для Германии. Жена знает немецкий, а французского никто не знает. Все перевели, отправили в немецкий МИД. И тут программу закрыли. Друзья предложили перевести документы на французский и отправить во Францию. Подали в апреле, а в конце мая получили ответ: приезжайте. Получили визу D. Я всегда считаю, что лучше иметь несколько возможностей. Я думал, что в нашей стране может что-то произойти и я смогу остаться. Но не произошло. Мы собрались и уехали. Я решил подождать перемены здесь, а не там.

– На границе вас спокойно выпустили?

– Меня ФСБ задержала при пересечении границы. Мои все прошли, а меня – в досмотровую комнату. Стали допрашивать. Я был совершенно спокоен. У нас все было подготовлено: могли лететь тремя разными группами. Они играли в хорошего и плохого полицейского, еще трое там были. Рассматривали мой телефон, спрашивали, кто эти люди. "Есть ли родственники в Украине? Были ли контакты с сотрудниками спецслужб? Предлагали ли стать их сотрудником?" – примерно так. При мне сотрудница звонила, спрашивала, что со мной делать. По словам жены, это длилось больше часа, около полутора. Буквально за двадцать-тридцать минут до рейса сказали: "Вот сюда иди". Провели без очереди.

– Повезло?

– Это была подготовленная удача. Я телефон почистил по возможности. Но не до пустоты. Если дать пустой, они начнут искать другой. Это их манера. Во время обыска у меня так было: я успел написать, что начался обыск, и спрятал телефон. Дал им другой, а они: "Нет, нам нужен тот, с которого вы только что написали, что обыск". Так что я знал, как это бывает. Что они сделали с телефоном на границе, не знаю. Может, скопировали что-то, может, вставили программу. Но выпустили.

"Никто не готов умирать за Путина"

Скурихины уехали вшестером: Дмитрий, его жена Татьяна и четыре дочери. Пятая, старшая, уже живет отдельно за пределами России. Во Франции семья намерена просить убежища. Сейчас они только начали оформление документов и живут в арендованной на месяц квартире под Парижем.

– Жилье здесь атомных денег стоит, – говорит Скурихин. – Нас шесть человек, их надо разместить, накормить. В "Макдак" сходили недавно – 73 евро отдали. В ресторан если бы пошли на шестерых, я бы без штанов оттуда вышел.

– А что с вашим магазином?

– Переоформил на другого человека. Он уже не мой. У меня собственности никакой нет. Стены замалевали, еще пока я был под домашним арестом. Остались пацифик на крыше и надпись "Мне нужен мир".

– Что собираетесь делать здесь?

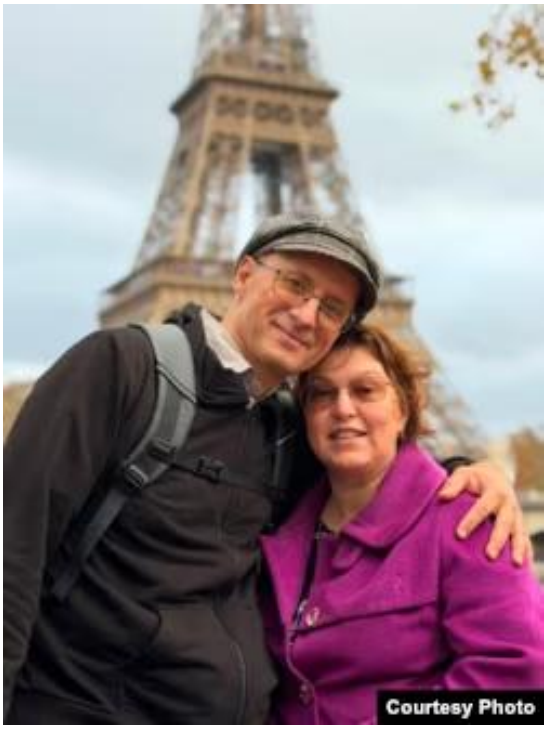
– Сначала устроить детей. У меня три школьницы и студентка. Мы приехали только девятого, они еще никуда не пошли. Французский надо учить, будем учить. Если даже здесь не получится закрепиться – хоть язык выучим. Это прикольно. Деньги надо зарабатывать, кровь из носу. Как – пока не знаю. Без языка трудно.

– Вы тридцать лет провели в бизнесе. Не думаете начать здесь свое дело?

– Нужно очень много денег. Если обычное жилье так дорого, коммерческая недвижимость наверняка еще дороже. Конкуренция серьезная, надо понять, какие услуги и товары найдут спрос. Мне пока надо осмотреться. Даже мыслей конкретных нет. Пока мы на птичьих правах. Нам еще никто ничего не обещал. Может, скажут, что с вашим случаем вы можете жить в России. Что тогда делать? Обратно возвращаться? Мы будем просить убежище. Нам назначили встречу в префектуре. Пока все только начинается.

– Как семья отнеслась к отъезду?

– По-разному. Кто-то очень поддержал, кто-то очень горюет. Мы были готовы уезжать по частям, но решили все-таки вместе. Для шести человек это непросто. Но оставлять девчонок и потом пытаться их вывезти – слишком опасно.

Дмитрий и Татьяна Скурихины

Услышав вопрос, не жалеют ли он и его семья сегодня о тех акциях протеста, зная, чем все закончилось, Дмитрий оглядывается от экрана ноутбука.

– Татьяна, ты меня укоряла хоть раз? – спрашивает Дмитрий. Татьяна качает головой: нет, не укоряла.

Татьяна Скурихина по профессии бухгалтер, последние семь лет до отъезда работала социальным работником, помогала пожилым людям. В отличие от мужа, она не участвовала в политических акциях, но пережила вместе с ним обыски, суды и заключение. Она признается, что только перед последней акцией пыталась отговорить мужа:

– Последний плакат, когда он встал на колени, "Прости, Украина", – я его утром попросила: не надо. Я никогда его до этого не просила ни о чем. Он сам занимался своей политической деятельностью, я была больше с детьми. Но тут я его попросила. При этом я не ожидала, что его посадят. Вот никак не думала.

После ареста мужа Татьяна активно включилась в его защиту – ходила в суды, давала интервью, рассказывала о ходе дела журналистам.

– Надеялась, что создам шум и его отпустят, – признается она. – Я думала, что это же нереально, он не должен сидеть, мы многодетная семья. У нас был обыск: разбивали стекло, вваливались эти люди в обычной одежде, в шапочках, с такими агрессивными лицами. Я была дома с детьми. Не понимала, как это возможно. Мы не грабители, не наркоманы, оружием не торгуем. Я была шокирована. Потом ходила на суды. Видела следователя, который просто матерился, для него это был обычный разговор. Мне показали, как все устроено. Я столько увидела про наши правоохранительные органы, что потом страшно стало с ними на одной улице оказаться. Хотелось перейти на другую сторону. Когда назначили срок, ехала домой и думала: может, все, что ни делается, к лучшему? Такая мысль у меня была. Я особо не плакала – за время судов уже многое увидела. Потом два раза ездила к нему на длительные свидания, на три дня. Общалась с женами и матерями заключенных. Это тоже школа жизни. Всех дико жалко: и некоторых сидельцев, и их мам, и жен.

– Как к вам относились люди, когда Дмитрий сидел?

– Несколько женщин, у которых дети сидели в тюрьме, подошли и обняли меня. Они меня приняли. Одна женщина, мама Диминого одноклассника, помогла деньгами: "Я хочу тебе помочь". В общем-то, и все. Чтобы кто-то просто подошел, сказал, что сочувствует, – такого не было. Справлялась сама. Димина родня помогала, как могла. Семьей выкручивались.

– А что вы думаете о неожиданном переезде во Францию?

– Ой, слушайте, это очень сложно. Мы пока не чувствуем себя в безопасности. Вокруг везде чужие люди, другая жизнь, которую надо понять, ощутить. Мы даже не знаем, как здесь мусор сортируют. Не знаешь, как общаться с людьми. Пока общались только с русскими, такими же, как мы. Мы еще не осознали эту французскую жизнь. Нам по пятьдесят лет. Детей надо учить в школе, самим учить французский язык. Все это сложно. Но поскольку мы прошли огонь, воду и медные трубы, я готова жить в чужой стране, говорить на другом языке, надеясь, что детям будет хорошо. Надеюсь, им не будет грозить никакое преследование.

– А девочкам нравится?

– Они пока в восторге от Парижа. Детям все новое, все здорово. Говорят: "Мама, давай останемся в Париже! Все такое красивое и интересное!" Им пока очень нравится.

Семя Скурихиных в Париже

До отъезда Скурихины успели застать массированные налеты беспилотников на Петербург и Ленобласть. Так, 18 октября 2026 года в Ломоносовском районе обломки дронов повредили четыре машины в Низино и 55 припаркованных автомобилей в Новоселье. По словам Дмитрия, это действует на людей – но не совсем так, как рассчитывает власть.

– Наш народ не может сплотиться вокруг флага, – уверен он. – Так себя проявляет только общество. Общества у нас нет. Путинщина все сделала, чтобы атомизировать общество. Теперь она столкнется с обратной стороной этого явления. Никакого сплочения вокруг флага не будет. Увидим, насколько я прав или не прав.

– Думаете, мы увидим конец этого режима?

– Я не поручусь, что лично вы или я это застанем. Алексей Навальный на два года моложе меня, а вот он не застал. Такая перспектива может у любого из нас случиться. Но этот режим, как мне кажется, прогнил. Он держится на финансовом притоке. Никто не готов умирать за Путина. Люди готовы умирать за деньги, убивать за деньги – да. Как только начнутся реальные проблемы с деньгами, все это

посыпется. А дальше надо будет как-то стараться страну спасать. Потому что это же наша родина.

– Вы вернетесь ее спасать?

– Я постараюсь. Считаю, что это надо будет сделать. Но не из бухты-барахты. Так же, как я уехал сюда. Я не вышел из тюрьмы и не бросил все сразу: "Давайте улетаем!" Я не могу позволить своей семье бедствовать. Чтобы девчонки улицы мели из последних сил, а жена по помойкам побиралась? Нет. Нельзя так делать. Я сделал по-другому. И когда придет время возвращаться, я тоже постараюсь сделать это так, чтобы не оказаться в тюрьме или на том свете сразу по приезде.

Светлана Прокопьева

Псковский журналист, редактор и автор регионального сайта Радио Свобода Север.Реалии

Регионы | Интервью.Север